

История не терпит обрывов

Победа в войне и первостепенные достижения в научно-техническом развитии были обусловлены преодолением «отрицания» России с ее «проклятым прошлым» – преодолением, начавшимся в середине 1930-х годов и продолженным в послевоенное время. Стоит сказать о том, что в начале 1990-х годов, в разгар всяческого принижения СССР, усиленно пропагандировалась версия, согласно которой атомная бомба была создана у нас в 1949 году только благодаря тому, что разведка «выкрала» в США ее «секрет». Мнение о решающей роли разведданных оспаривалось, однако истинная суть дела вовсе не в этом. Ведь если даже и согласиться с тем, что вклад разведки имел огромное значение, необходимо понять и другую, гораздо более существенную сторону проблемы: без того мощного и широкого развития физики и химии в России, начало которому положил двумя столетиями ранее Ломоносов, любые разведданные были бы совершенно бесполезны! Нет сомнений, например, в том, что без наличия к 1940-м годам когорты выдающихся ученых и технологов, часть из которых, кстати сказать, начала свой путь в науке еще до 1917 года, никакие добытые «секреты» ничего бы не дали.

Существенен и тот факт, что атомная бомба была создана в СССР четырьмя годами позднее, чем в США, а термоядерная – всего лишь девятью месяцами позднее. Нельзя не задуматься и над тем, что Великобритания (хотя ее ученые имели теснейшие связи с США) отстала от СССР в создании атомной бомбы на три года и термоядерной – на четыре, а Франция – соответственно на десять с лишним и на пятнадцать лет. Стоит напомнить и о датах пуска первых АЭС: в СССР – 1954, в Великобритании – 1956, в США – 1957 год; в 1959 году в СССР спущен на воду первый в мире атомный ледокол. Не приходится уже говорить об отставании других стран мира. Подчеркну еще раз: тот факт, что в СССР были научно-технические предпосылки для создания за короткий срок атомной бомбы, имел гораздо более существенное значение, чем «секреты».

Словом, только отказавшись от «отрицания» России, страна смогла добиться великих побед и в мировой войне, и в мировом научно-техническом «соревновании». И то и другое – ярчайшие проявления целостного развития страны. Так, Сталин в марте 1939 года – явно неожиданно для многих «ортодоксальных» большевиков – заявил в своем докладе на XVIII съезде партии, что у государства СССР должны «сохраниться некоторые функции старого (то есть дореволюционного. –В.К.) государства». Сказано это было в

достаточно «осторожной» форме, но по существу тем самым кардинально ревизовалась послереволюционная политическая теория и практика. Весьма показательна «ревизия» отношения к Церкви. Господствует представление, что она произошла во время Отечественной войны ради мобилизации священников и их паствы на борьбу с врагом. Но недавно был опубликован подписанный Сталиным текст постановления Политбюро от 11 ноября 1939 года, в котором, в частности, содержится следующий весьма выразительный пункт: «Указание товарища Ульянова (Ленина) от 21 мая 1919 года... «О борьбе с попами и религией»... отменить» (см. «Наш современник», 1999, № 12, с. 223).

«Поворот», начавшийся в середине 1930-х годов, был всецело закономерным явлением: после любой революции через некоторое время совершается реставрация, как бы восстановление утраченного прошлого, – правда, именно «как бы», поскольку реально восстановить прошлое невозможно, и дело идет, выражаясь точно, о восстановлении не прошлого, а связи с ним, о продолжении того ценного, что развивалось в прошлом. И нельзя не видеть, что именно стремление восстановить связь с прошлым характерно для 1991-го и последующих годов: оно вполне наглядно выразилось в восстановлении дореволюционного флага, герба и т. д., даже – ни много ни мало – монументального храма Христа Спасителя в центре Москвы.

Как ни парадоксально это прозвучит, но нынешняя власть, идеологи которой более всего проклинаят именно период нашей истории, начавшийся в середине 1930-х годов, вместе с тем в сущности стремится продолжить, довести до конца начатый тогда «реставрационный» процесс! Однако теперешняя «реставрация» имеет, строго говоря, чисто формальный характер, ибо для нее нет реальной основы и почвы. Достаточно сказать, что если в середине 1930-х годов значительно более половины взрослого населения СССР составляли люди, родившиеся до 1900 года, то есть ставшие взрослыми еще в Российской империи, то к 1991 году таких людей, за исключением крайне немногочисленных долгожителей, не было. Общепринято, что смена поколений происходит через тридцать лет, и, следовательно, к нашему времени сменились три «постреволюционных» поколения (первое из них родилось до 1917 года, но достигло зрелости уже после него). И реально восстановить связь с прадедовским бытием и сознанием немислимо.

Нередко утверждают, что такую связь способна осуществить наша Церковь, которая, несмотря на все гонения и запреты, и в советское время все же жила. Но это едва ли основательное предположение, ибо для исполнения

такой задачи Церковь, в сущности, должна была бы отказаться от своей истинной миссии. Конечно, за более чем тысячелетнюю историю нашей Церкви те или иные ее деятели неоднократно «вмешивались» в «мирские» дела, но это были проявления именно их воли, но не воля Церкви как таковой. Ибо Церковь может и должна благоустраивать отношения между людьми, воплощая в себе связь людей с Богом, а не воздействуя непосредственно на их мирские отношения.

Доказательство правоты такого решения вопроса – тот факт, что на протяжении тысячелетия отношения между людьми неоднократно претерпевали кардинальные изменения, но Церковь оставалась в своей основе неизменной, и, собственно говоря, именно поэтому в ней и усматривают силу, способную восстановить связь с дореволюционной Россией, – не задумываясь о том, что, занявшись этим делом, Церковь утратила бы свою истинную сущность...

Словом, нынешние идеологи (кстати сказать, самых различных направлений), усматривающие выход в «возврате» к тому бытию и сознанию страны, которые были реальностью восемьдесят с лишним лет назад, – чистейшие утописты. И особенно прискорбно, что эта утопическая программа побуждает, даже заставляет ее сторонников с особенной решительностью и последовательностью настаивать на отрицании бытия и сознания страны между 1917 и 1991 годами. Они, как ни удивительно, не осознают, что вполне уподобляются тем проклинаемым ими идеологам, которые после 1917 года отрицали предшествующую историю России! Этим нынешних утопистов, собственно говоря, даже трудно понять. Их экстремизм или, если выразиться попросту, оголтелость объяснима только полным нежеланием считаться с реальностью. И они, увы, заглушают голоса тех своих вполне либеральных коллег, которые все же сохраняют разумность.

Так, например, ленинградский (теперь, понятно, петербургский) писатель Даниил Гранин вполне определенно высказался еще в 1994 году: «Изничтожается ленинградское во имя петербургского. Оборвалась цепь времени, и культура оказалась беззащитной. От нее ждут нового слова, но новое появляется не на кладбище, а вынашивается в утробе уходящего. Критиковать прошлое естественно и необходимо. Но отказаться от советского наследия – варварство. Культура нуворишей становится беспризорной, утверждает себя террором... История не терпит обрывов... Петербургу придется осваивать Ленинград, включать в себя, сохранять и защищать лучшее, что было в нем» («Российская провинция», 1994, № 5, с. 9).

* * *

Нетрудно предвидеть возражение: мне скажут, что после 1917-го страна переживает безмерно трагедийную эпоху. И, конечно же, это безусловно верно по отношению к времени до начала 1950-х или даже начала 1960-х годов (вспомним о расстреле жителей Новочеркасска в 1962 г.). Но, во-первых, «отрицание» неправомерно распространяют и на три десятилетия, предшествовавшие 1991 году, – десятилетия, в продолжение которых в стране было не больше или даже меньше трагических событий, чем, скажем, в тогдашней истории США, Франции, Великобритании и т. д. Да, в тот период разразилась наша война в Афганистане, однако войны Франции и затем США в Индокитае, а также французская война в Алжире имели более кровопролитный характер. Кроме того, у нас не было целой цепи политических убийств (точнее, их у нас вообще не было в те десятилетия), как в США, – в частности, убийств людей, отстаивавших права «нацменьшинств», – и гибели людей в конфликтах, подобных испанско-баскскому, англо-ольстерскому и т. п.; не приходится уже говорить о тогдашних губительных гражданских войнах во многих странах Азии, Африки, Южной и Центральной Америки. И если подойти к делу беспристрастно, нельзя не признать, что в тридцатилетний период перед 1991 годом СССР являл собой одну из самых «мирных» стран. Между тем, повторю еще раз, многочисленные идеологи пытаются внушить людям, что все время с 1917-го по 1991-й было беспрерывной трагедией.

Во-вторых, трагедия – если основываться на исканиях мировой философии и богословия – неизбежное, неотвратимое и в самой основе своей глубоко противоречивое, не подвластное прямолинейному пониманию и односторонней оценке явление человеческого бытия. В трактовке многих нынешних идеологов трагедийный период нашей истории имеет принижающее или даже позорящее нашу страну значение; некоторые из них, говоря, что в 1917 году Россия «взошла на Голгофу», странным образом не вдумываются в истинный смысл этого речения, подразумевающего не только унижение и смерть, но и величие и воскресение.

Судьба страны воплощается в судьбах отдельных людей. И напомним о судьбах К.К. Рокоссовского и С.П. Королева. Оба испытали унижительную и, в сущности, сдвигавшую человека на самую грань смерти долю репрессированных. Но Константин Константинович стал затем одним из двух главных и наиболее прославленных полководцев Великой Отечественной (именно он командовал Парадом Победы), а Сергей Павлович – Главным конструктором космической программы, обретшим наивысшую

всемирную славу. И, как представляется, в наше время еще крайне трудно или даже вообще невозможно четко сформулировать «приговор» об этих человеческих судьбах, то есть прийти к их «точным», непротиворечивым пониманию и оценке. Но это относится и к судьбе нашего народа в целом...